

«Мы жили, лишь бы выжить как...»

*Далече время знойное,
Но памятно вдвойне:
Нам выпало по-своему
Участковать в войне.*

Валентина Коростелёва

Мне было семь, когда началась война. Помню, как по радио передали сообщение о вероломном нападении Германии на Советский Союз. Обращение Молотова произвело эффект разорвавшейся бомбы. Наша жизнь мгновенно изменилась.

Мы вчетвером жили в городе Кирове, в четырнадцатиметровой комнате общежития на Кутшо. Почти сразу к нам приехали брат и сестра отца, эвакуированные из Украины. Спать приходилось на полу. Первая военная зима была суровой: стояли сорокаградусные морозы. Я училась в первом классе. Школа находилась в бараке, он почти не отапливался. Урок продолжался 20-25 минут – больше не выдерживали ни учителя, ни школьники. Записей не вели, так как мёрзли не только худые детские ручонки, но и замерзали чернила. Сидели по четыре человека за партой в пальто, в валенках, у кого они были, в перчатках и в головных уборах. Несмотря на это, я училась на пятёрки.

Летом сорок второго мы переехали в деревянный дом около вокзала. Мы все голодали, хлеб давали по карточкам. От голода ученики в школе падали в обморок. У многих была дистрофия, цинга, кровоточили дёсны, качались зубы. Мы с братом ежедневно, в любую погоду, ходили пешком через весь город в школу на Филейку за маленькой, с ладошку, булочкой, которую выдавали школьникам. Мы простывали, болели, попадая под ливни, иногда метель сбивала нас, обессиленных, с ног.

У меня было подозрение на туберкулёз, и «на поправку» меня на целый

год отправили в интернат в Просницу, где жили и учились ленинградские дети. Они тоже помогали колхозу: теребили лён, вязали его в снопы, пололи грядки, собирали лекарственные травы – крапиву, липу, подорожник, зверобой, после уроков отправлялись на скошенные поля собирать колоски, которые из школы отправляли на заготовительные пункты. А вечерами мы разучивали и пели военные песни. Бог не обидел меня голосом, поэтому пела с ними с удовольствием.

Конечно, я очень скучала по дому, посылала домой письма-треугольнички без марки. Помню, девочки научили начинать письмо с приветствия: «Добрый день, весёлый час! Пишу письмо и жду от вас!», но маму – она работала журналисткой в газете – это приветствие очень коробило, и она меня стыдила, что писать так – вульгарно.

Мы ходили в госпиталь, помогали медсёстрам ухаживать за ранеными. Медицинского персонала не хватало: врачи и медсёстры зачастую работали сутками без отдыха; и помощь детских рук в госпиталях была востребована чрезвычайно. Нам было по силам обеспечивать быт раненых бойцов: дежурить у их постелей, делать перевязки, кормить с ложечки, читать свежие газеты и приходящие письма, с трепетом и любовью писать под их диктовку письма родным, которые с нетерпением ждали их матери, жёны, сёстры, дочери. И мы хорошо справлялись с этой работой.

Готовили мы также посылочки на фронт. Я сшила кисет, вышила его и положила туда карманный вариант томика Твардовского «Василий Тёркин», махорку и ещё что-то. В ответ получила тёплое письмо от раненого лейтенанта.

Часто мы устраивали для раненых концерты. С почтением входили в палаты с балалайками, мандолинами, большими пачками книг... Потом читали стихи, пели песни, танцевали. Раненые солдаты долго аплодировали нам, улыбаясь сквозь слезы. Тепло детского концерта согревало израненные души фронтовиков, напоминало о доме.

Патриотизм тогда был в крови каждого ребёнка. Собирая колоски на полях или лекарственные растения, шефствуя над ранеными в госпиталях или семьями погибших воинов, мы чувствовали себя маленькими солдатами Красной Армии, которая борется с фашизмом.

Условия жизни в войну, особенно бытовые, были очень тяжёлыми: холод, вода замерзала, туалет на улице, сами добывали топливо, следили за чистотой, домашние задания делали при коптилке. Вечерами мы с братом сами топили голландку, ждали, когда останутся алые угли, под них в горячую золу закапывали картошку и ждали, когда она испечётся. У брата хватало терпенья дожидаться, когда в печи не останется голубых огоньков, и только тогда он закрывал задвижку для сохранения тепла. Однажды, а были уже заморозки, я очнулась на улице на мамином пальто. В голове красиво звенели колокольчики, а меня от рвоты и страшной головной боли выворачивало всю на изнанку. Вокруг нас суетился папа. Он работал допоздна. Пришёл домой в два часа ночи, увидел нас без признаков жизни, достал наган и хотел застрелиться. Спас его пошевелившийся брат. Папа вынес нас во двор на свежий воздух, и мы выжили, угорев до полусмерти.

Но самое страшное – всё время хотелось есть. Поэтому люди нашего поколения до сих пор трепетно относятся к хлебу, стараются, чтобы дети и внуки, не испытавшие голода и лишений, тоже следовали этому.

Я никогда не думала, что репрессии коснутся моей благополучной по всем меркам семьи, что нам придётся пережить страшные времена. В моей голове не укладывалось, что отец – второй секретарь обкома партии, всегда казавшийся мне таким правильным, служивший мне примером, мог быть «врагом народа». Помню, как люди в чёрном забирали его, как нас сразу же «выкинули» из двухкомнатной просторной квартиры, как маму уволили с работы, как к нам надолго «прилипли» слова «дети врага народа». Отца вскоре реабилитировали, но он вернулся совсем другим человеком: жёстким, нервным и суровым.

В атмосфере дома появилось что-то недоброе. Детским умом я понимала, что родители стали чужими людьми. Когда отец был в лагерях, у мамы появился другой мужчина. Из-за обострённого чувства справедливости я даже в мыслях не могла допустить, что наша мама может так себя вести. Помню, как она уходила и оставляла нас на ночь одних. Я так страдала, что однажды кинулась за ними, долго бежала, а потом окликнула её! Как она кричала на меня! С той поры она невзлюбила меня, а я от этого страдала вдвойне. Не только война, но и семейная трагедия родителей оставили в моей неокрепшей душе только страдания – никаких проблесков счастья. Мы разучились шалить, играть, смеяться. Об этом мои стихотворные строки:

Ребёнком я была тогда,
И детство вмиг мы потеряли.
Мы жили, лишь бы выжить как,
Мы замерзали, голодали...

Мы жили надеждой, что кончится война и жизнь изменится к лучшему. Мне так хотелось вновь увидеть улыбки и покой на лицах прохожих, чтобы мама, как прежде, заразительно смеялась, чтобы папа живым вернулся с фронта. Хотелось съесть – захлёб, до крошки, целиком! – буханку вкусно пахнущего хлеба!

Мне было одиннадцать, когда война закончилась. Когда узнала о Победе, у меня сердце готово было выпрыгнуть из груди. Мы все побежали на площадь и отдались всеобщему ликованию.

Столько лет прошло после того памятного первого Дня Победы, но мир снова на грани войны. Об этом мои стихотворные строчки:

Мы победили в той кровавой бойне:
Свободу отстояла Русь моя.
70 лет прошло, но почему сегодня
Опять идёт жестокая война?
То тут, то там грохочут снова взрывы,
То тут, то там – людская кровь, огонь.
Да будет ли конец жестокости, насилию?
Останови нас, Боже, протяни ладонь.

Материал подготовила

*Лидия Георгиевна Семёновых,
заведующая тифлоиздательским сектором
Кировской областной
специальной библиотеки для слепых.*